Глава 5. Визит к старому другу

Выслушав эти слова, Ван Цзянь почувствовал, как лицо его то обдает жаром, то обдает холодом. Он и не подозревал, что у его протеже, Ян Бинхуая, водятся подобные… пристрастия. И теперь, когда об этом во всеуслышание заявили прямо в судебном зале, репутация лунного лингуаня округа Инчжоу оказалась под угрозой.

В конце концов, Ян Бинхуай был гостем в его поместье. Если слухи поползут по городу, он, лунный лингуань округа Инчжоу, окончательно потеряет лицо.

Желая поскорее покончить с этим позором, Ван Цзянь с каменным выражением лица повернулся к Ян Бинхуаю:

— Это правда?

Ян Бинхуай, понимая, что Янь Хуайлин намеренно загоняет его в ловушку, долго мямлил, прежде чем выдавить:

—… Но это не исключает того, что он мог проникнуть в поместье! Господин Ван, прошу вас, разберитесь во всём!

Цзан Е холодно вставил:

— Молодой господин Ян, вы видели лицо нападавшего?

Этот вопрос заставил Ван Цзяня вскинуться:

— Если ты не разглядел лица, как же тогда составили портреты этих двоих?

Ян Бинхуай запнулся. Он не решился подтвердить слова лингуаня, отчего тот почувствовал ещё большую неуверенность.

— Молодой господин Ян?

— Тот человек был в маске, в чёрных одеждах… Я… В общем, эти двое только что угрожали мне! Тот налётчик точно связан с ними!

Только тогда Ван Цзянь осознал: прямых доказательств того, что Ян Бинхуая атаковали именно эти двое, нет.

Чувство неловкости захлестнуло его, но признать перед толпой, что он схватил не тех, он не

мог. Ему оставалось лишь продолжать играть роль строгого судьи, обрушив весь свой гнев на Ян Бинхуая.

Янь Хуайлин, слушая перепалку мелкого чиновника с Ян Бинхуаем, внешне сохранял вежливую улыбку, но внутри него росло беспокойство.

«Перерезаны сухожилия на руках и ногах?» Он отчётливо помнил, что перед уходом вправил Ян Бинхуаю плечи. Откуда же взялись эти увечья?

Прищурившись, он вспомнил слухи о «лже-Хэйяне», что гуляли по округе в последнее время. Он стал ещё более холодным и отстранённым.

Цзан Е всё это время хранил молчание.

Трусливый лунный лингуань, ещё немного поспорив с Ян Бинхуаем, сделал вид, будто наконец во всём разобрался. Он повернулся к задержанным:

— Ох… Благородные герои, похоже, во всём виноват этот негодяй, мой гость. Из-за его ошибки вам пришлось пережить подобное унижение. Я самолично накажу этого слугу. Прошу вас, не держите зла.

Ян Бинхуай выглядел так, словно его заставили проглотить дохлую крысу, но, видя настрой Ван Цзяня, лишь густо покраснел и промолчал.

Янь Хуайлин тихо усмехнулся. В сопровождении Цзан Е он неспешно покинул здание управы.

По дороге в гостиницу он поглядывал на идущего рядом молчаливого спутника, раздумывая над его поведением в «суде».

Если бы Цзан Е открыто заявил о существовании Хэйяня, они бы освободились гораздо раньше. Но тот предпочёл молчать. Почему?

Неужели побоялся признаться, что упустил преступника, и тем самым уронить достоинство?

Янь Хуайлин чувствовал: здесь кроется нечто большее.

Учитывая прямолинейный и честный характер Цзан Е, тот вряд ли стал бы лгать ради спасения репутации.

Мужчина рядом казался ему всё более непредсказуемым.

— В гостиницу нам, боюсь, возвращаться не стоит, — небрежно заметил Янь Хуайлин. — Посыльный своими глазами видел, как нас уводила стража. Он не станет рисковать репутацией заведения ради нас.

Цзан Е промолчал. Судьба ночлега его мало заботила.

Его тревожило внезапное появление Хэйяня. Этот человек годами не подавал о себе вести и вдруг объявился здесь — это было крайне подозрительно.

Конечно, сокровища в доме лунного лингуаня могли привлечь вора, но… тот факт, что во время их случайной стычки противник знал его имя, заставлял Цзан Е насторожиться.

Он промолчал в управе лишь потому, что подозревал связь Хэйяня с делом «Медицинского трактата Тайянь». Лишняя огласка могла только навредить делу, поэтому он предпочёл скрыть следы вора.

Погружённый в раздумья, Цзан Е не замечал, как Янь Хуайлин изучает его мрачное лицо с пытливостью коллекционера, разглядывающего редкий антиквариат.

Больше они не проронили ни слова. Вернувшись в гостиницу, они быстро собрали вещи и снова отправились в путь.

Раз в Инчжоу возник риск разоблачения, лучшим решением было немедленно двигаться в Нинчжоу.

Расследование дела о трактате оказалось сложнее, чем они предполагали. Учтя урок Инчжоу, спутники старались вести себя как можно тише. Однако в Нинчжоу поиски поместья Цянь Чэньцзюня в течение нескольких дней не принесли никаких плодов.

Янь Хуайлин тайно прощупывал почву и насчёт «лже-Хэйяня», но в Нинчжоу, казалось, никто и слыхом не слыхивал о возвращении легендарного вора.

Ночью они вернулись на постоялый двор «Вэймин».

Целый день поисков вымотал Янь Хуайлина. Немного поразмыслив, он решил попытать удачу и заглянуть в комнату к Цзан Е, хотя и знал, что их ритмы жизни совершенно не совпадают.

Цзан Е сидел при свете лампы и протирал меч. Появление незваного гостя его не удивило.

— Входи.

Янь Хуайлин переступил порог. Вид Цзан Е, сосредоточенно ухаживающего за оружием в неверном свете свечи, показался ему удивительно гармоничным.

Огонь золотил брови и ресницы воина, подчёркивая благородство его черт. Янь Хуайлин устроился на деревянном стуле и принялся за ним наблюдать.

Ожидая, что гость сразу начнёт с просьб или подначек, Цзан Е продолжал работу. Но прошла минута, а любитель почесать языком так и не открыл рта. Он не выдержал и бросил на него короткий взгляд.

Встретившись с ним глазами, Янь Хуайлин улыбнулся:

— Наконец-то господин гвардеец поднял голову. Мне было любопытно, сколько времени вы будете полировать сталь, прежде чем заметите моё присутствие.

Отложив ветошь, Цзан Е спросил:

— Что случилось?

Янь Хуайлин подпёр подбородок ладонью и вдруг ослепительно улыбнулся:

— Ничего.

Цзан Е прищурился, его взгляд безмолвно вопрошал: «Если ничего не случилось, зачем ты здесь?».

Янь Хуайлин улыбнулся ещё шире, он продолжал пристально смотреть на воина.

Почувствовав дискомфорт под этим взглядом, Цзан Е отвернулся:

— Если дел нет, возвращайся к себе. Завтра нужно проверить новые места.

— Господин Цзан.

На этот раз Цзан Е не ответил, сосредоточенно протирая клинок.

— Можно ли считать нас друзьями? — небрежно бросил Янь Хуайлин.

Предполагая, что тот снова затеял какую-то игру, Цзан Е даже не поднял глаз.

— Неважно, друзья мы или нет.

— Но если бы мы были друзьями, дело пошло бы быстрее, не так ли?

Ответа не последовало.

— Могу ли я теперь считать, что заслужил ваше доверие?

Рука Цзан Е на мгновение замерла, но тут же возобновила движение.

Прождав некоторое время и не услышав ни слова, Янь Хуайлин раскрыл веер и лениво обмахнулся:

— Раз господин молчит, значит, он мне доверяет?

«Кожа на его лице толщиной с городскую стену», — подумал Цзан Е и тяжело вздохнул.

— Если мы выполним тайный приказ, тогда я тебе поверю.

Всё тот же ответ, что и прежде.

— Господин, неужели вы так не хотите сойтись со мной поближе? — Янь Хуайлин поднялся со стула, подошёл к столу и сел на табурет всего в шаге от воина.

— Что в твоём понимании значит «поближе»?

«Откровенничать с тем, кого едва знаешь — большая ошибка». Цзан Е понимал это, но, зная характер собеседника, догадывался, что этот ночной разговор — лишь очередная причуда Янь Хуайлина.

— Узнать друг друга получше. Это во-первых.

Цзан Е молчал.

— Если господин не хочет говорить о себе, может, он согласится послушать историю моей семьи?

Цзан Е снова вздохнул. Он убрал короткие мечи «Парных драконов» в ножны и достал меч «Феникса».

Янь Хуайлин понял, что прямого согласия не получит, поэтому начал рассказ сам:

— Родом я из города Лючэн, что в провинции Цзюньту. Позже из-за войны семья перебралась в Тайянь. И только когда нынешний император объединил Поднебесную, жизнь наконец наладилась.

Разумеется, Янь Хуайлин опустил те голодные годы, когда он был Хэйянем.

Некоторые называли его «благородным разбойником», но лишь потому, что он пару раз случайно ограбил богатых и помог бедным, оставив о себе ложное впечатление.

В нём никогда не было тяги к самопожертвованию ради народа, и уж тем более он не собирался отдавать жизнь за великую справедливость.

— Позже, благодаря моему таланту, меня заметил лингуань Цзян. Он пригласил меня в своё поместье в качестве гостя — так мы с вами и встретились.

Этот «талант» был ироничным приобретением: годы краж развили в нём феноменальную наблюдательность и способность безошибочно читать людей.

Янь Хуайлин обладал горячим лицом, но холодным сердцем. Ранние годы научили его жестоким законам выживания: чтобы выжить, он готов был на любую подлость.

Он родился в Цзюньту, но в шесть лет, когда родители бежали от войны, они продали его разбойникам в качестве «игрушки». Лишь в восемнадцать лет, в двенадцатый год эпохи Дау, он собственноручно перерезал глотки своим мучителям и вырвался из логова хищников.

Его душа была искалечена. Он жил только для себя, не доверяя никому и никого не любя.

Его тянуло к красоте, но он никогда не помышлял о долгой и верной привязанности.

Познав человеческую низость ещё в детстве, он стал безразличен к морали.

И его излюбленным занятием было втираться в доверие — именно это он сейчас проделывал с Цзан Е.

Чтобы поймать кого-то на крючок, нужно смешать ложь с правдой так, чтобы они стали неразличимы.

Полную правду о своём прошлом он не открыл бы никому и никогда.

Закончив рассказ, Янь Хуайлин с озорством посмотрел на воина:

— Я рассказал вам всё, что мог. Не желает ли господин ответить тем же и открыть мне своё сердце?

Этот легкомысленный тон не вызвал у Цзан Е сочувствия. Он продолжал чистить меч, пока клинок «Феникса» не скрылся в ножнах.

Наконец он поднял голову и посмотрел на Янь Хуайлина — на этот раз очень серьёзно.

Поражённый этой внезапной сосредоточенностью, Янь Хуайлин не отвёл глаз, хотя пронзительный взор воина, казалось, проникал в самую суть его души.

Цзан Е окинул его ледяным взглядом. Наконец он отвернулся.

— Ну? — поторопил Янь Хуайлин.

— Настанет день, — Цзан Е направился к постели, — когда ты действительно решишь открыть душу. Вот тогда и я поговорю с тобой откровенно.

Эти слова заставили сердце Янь Хуайлина вздрогнуть. Но Цзан Е уже сел на кровать, спиной к окну, обняв меч и закрыв глаза.

Янь Хуайлин тихо рассмеялся и покачал головой:

— Господин, вы невыносимо скучны.

Цзан Е не ответил.

Не желая больше навязываться, Янь Хуайлин добавил:

— Если вы вдруг передумаете, я всегда к вашим услугам. И надеюсь, что вы…

Его слова прервал тихий треск бумажного окна.

Янь Хуайлин мгновенно раскрыл веер, отбивая летящий снаряд. Короткий дротик со звоном отскочил и вонзился в колонну посреди комнаты, уйдя в дерево на три цуня.

Цзан Е уже открыл глаза. Секунду спустя он вылетел в окно, преследуя невидимого стрелка.

Янь Хуайлин не спешил. Он подошёл к колонне и осмотрел дротик — его форма была необычной и казалась ему смутно знакомой.

Выдернув оружие, он на мгновение задумался, а затем одним прыжком выскочил в окно, устремляясь за Цзан Е.

Однако стоило ему оказаться на крыше, как он попал в засаду. Двое мужчин в чёрных газовых халатах и масках зажали его с двух сторон. Широко взмахнув руками, они выпустили в него град дротиков, целясь в сердце и лицо!

Янь Хуайлин закружился в вихре движений, отбивая веером снаряды, которые рассыпались вокруг него, точно лепестки цветов, не в силах преодолеть барьер его стремительного клинка.

Гостиница находилась в оживлённом районе, и Янь Хуайлин заметил, что Цзан Е уводит преследователей к окраине города, где меньше людей.

Судьба случайных прохожих мало заботила его, сейчас важнее было понять, чего хотят эти люди в масках. Он без колебаний последовал за Цзан Е, увлекая своих противников в ту же сторону.

На западе от Нинчжоу высились горы Маншань, на востоке протекала река Яохэ. Цзан Е направлялся именно к реке — там была открытая равнина, поросшая травой, без единого укрытия. Вступать в бой на таком месте, не зная сил врага, было крайне рискованно.

Но Цзан Е был мастером мирового уровня, и Янь Хуайлин, хоть и сомневался, решил не искать других путей, доверившись чутью воина.

По пути число преследователей в масках росло. Несмотря на превосходную технику передвижения, спутникам так и не удалось оторваться от погони.

Когда они достигли берега Яохэ, врагов было уже больше десяти, и их число продолжало увеличиваться.

Даже обладая выдающимся мастерством, выстоять против такой толпы было непросто.

Приземлившись, Янь Хуайлин оказался плечом к плечу с Цзан Е. Они стояли спина к спине, окружённые кольцом врагов.

Янь Хуайлин стал суров. Он достал перехваченный ранее дротик и хмуро произнёс:

— Неужели перед нами мастера школы Цзюэ из государства Дау?

Цзан Е не возразил — он, как и его спутник, уже опознал врагов.

Люди в масках промолчали. В следующий миг они одновременно метнули скрытое оружие.

Янь Хуайлин, отбивая снаряды веером, внезапно исчез, оставив после себя лишь насмешливый голос, эхом разнёсшийся в пустоте:

— Повторять один и тот же прием… Не кажется ли вам это бессмысленным?

Едва он договорил, как все выпущенные дротики с воем устремились обратно к своим хозяевам.

Враги в масках попятились, с трудом уворачиваясь от собственной атаки.

Цзан Е выхватил короткие мечи, его руки двигались с невероятной скоростью, сбивая каждый летящий снаряд.

В столкновении со школой Цзюэ пугали не физические атаки, и оба мастера это прекрасно понимали.

И действительно: после короткой стычки часть врагов отступила назад, продолжая засыпать их дротиками для отвлечения внимания, в то время как передние ряды внезапно уселись на землю, скрестив ноги, и принялись бормотать заклинания.

Внезапно ровная степь озарилась всполохами огня. Багровое зарево прочертило границы земли, точно адское пламя, лижущее край небес. Ночь мгновенно превратилась в день, окутанный тяжелым жаром и ревущими волнами пламени, которые сжимали кольцо вокруг мастеров!

Янь Хуайлин, применяя технику «Яньго Ухэнь», взмыл над огнём, едва касаясь кончиками пальцев бушующего пламени, словно играя с ним.

Мастера школы Цзюэ ускорили чтение мантр. Огонь взвился до небес, стремясь превратить всё живое в пепел.

Но Янь Хуайлин, паря над пожаром, вдруг сложил веер и холодно усмехнулся:

— Гуйянь-шу? Жалкие фокусы, недостойные серьёзного боя!

С этими словами он сложил пальцы в ритуальном жесте и выкрикнул заклятие. Мгновение спустя на груди сидящих внизу врагов вспыхнуло яростное пламя. Огонь, подобно ядовитым

змеям, стремительно пополз вверх, впиваясь в шеи и лица людей. Степь наполнилась воплями боли, превращаясь в подобие преисподней.

Янь Хуайлин не прекращал читать заклинание — это была «Лиэхо Чжосинь», техника той же школы Цзюэ.

Цзан Е, услышав за спиной душераздирающие крики, обернулся и замер в изумлении.

Янь Хуайлин, зависший в воздухе в ореоле пламени, казался совершенно иным существом. Его аура была пропитана ледяной решимостью и жаждой крови; в этот миг он походил на демона, сошедшего с небес.

Обычного воина «Гуйянь-шу» испепелило бы мгновенно, ведь этот огонь питается страхами сердца. Но Янь Хуайлин не только не отступил, но и ответил врагам их же техникой, обратив её против них самих. У Цзан Е похолодело внутри.

«Этот человек... он определённо изучал техники школы Цзюэ».

Если он и не принадлежал к этой школе, то, как минимум, был знаком с их секретами.

Однако люди в масках не дали ему времени на раздумья — на него обрушилась новая волна дротиков.

Цзан Е смазался в движении, превратившись в тень, и исчез из поля зрения врагов.

Рядовые бойцы школы Цзюэ поступили так же, как и с Янь Хуайлином: сели на землю и завели монотонный напев.

Но на этот раз это было другое заклятие. Слова впивались в разум, лишая воли и путая мысли.

Цзан Е почувствовал, как голова наливается свинцом, а ноги становятся ватными. Он вонзил короткие мечи в землю и, прикрыв глаза, сосредоточился на контрзаклятии.

Вокруг него бушевало пламя сердечных демонов, но Цзан Е сохранял ледяное спокойствие. В радиусе нескольких футов от него начала расти ледяная стена, надёжно укрывая его от жара.

Слова «Пленения души» лились непрерывным потоком, стремясь пробить брешь в его защите. Ледяной барьер трещал, но Цзан Е неустанно возводил его снова.

Мантры врагов были порождением «Шэхунь-чжи-цюй», но заклинание, слетавшее с губ Цзан Е, шаг за шагом нейтрализовало их силу. Огонь и чёрный дым то рассеивались, то сгущались

вновь — две силы сошлись в мёртвой хватке, не желая уступать.

Янь Хуайлин, видя, что его противники превратились в обугленные туши, прекратил атаку и посмотрел в сторону спутника.

Увиденное заставило его застыть.

Враги окружили Цзан Е, но их яростное пламя было сковано вековым льдом, исходящим от воина. Огонь казался слабым и беспомощным.

Янь Хуайлин прищурился, в его голове мелькнула догадка: «То, что читает Цзан Е — это Шихунь-чжи-шу из школы Лин».

Это заклинание было создано специально для противодействия Техникам Пленения. Откуда оно у него? Неужели… он мастер школы Лин?

Вспоминая движения Цзан Е в бою, Янь Хуайлин видел в них школу Цзюньту — мощную и прямолинейную, не имеющую ничего общего с мистицизмом. Этот человек действительно был полон тайн.

Тем временем мастера школы Цзюэ, осознав, что не справляются, разорвали строй и бросились врассыпную, стремясь скрыться в лесах.

Ни Янь Хуайлин, ни Цзан Е не стали их преследовать. Ночной ветер свистел над равниной, двое мужчин стояли в нескольких саженях друг от друга, погружённые в свои мысли.

Трава вокруг была покрыта сажей от выгоревшего пламени, а под ногами Цзан Е всё ещё таяли осколки льда.

Они изучали друг друга, прикидывая дальнейшие действия.

Наконец Янь Хуайлин, всегда бравший на себя роль миротворца, первым подошёл к Цзан Е.

Когда он остановился, воин отвёл взгляд и холодно бросил:

— Возвращаемся.

Не дожидаясь ответа, он зашагал прочь.

— У господина нет вопросов? — Янь Хуайлин остался на месте, его голос звучал бесстрастно. Он знал: Цзан Е видел его магию.

Воин замедлил шаг и остановился.

Прошло несколько секунд, прежде чем он обернулся:

— Когда это молодой господин Янь обучился техникам школы Цзюэ?

В его голосе сквозил холод, но Янь Хуайлин лишь слегка улыбнулся.

— А когда господин Цзан успел постичь секреты школы Лин?

Никто не ответил. Слышно было только, как шуршит трава под порывами ночного ветра.

Пристально глядя на спутника, Цзан Е после долгой паузы произнёс:

— Ранее господин говорил о «доверии». Разве это не касается техник школы Цзюэ?

Этот выпад должен был смутить Янь Хуайлина, но тот встретил взгляд воина без тени страха.

— Если я признаюсь, поможет ли это господину поверить мне?

Цзан Е промолчал.

— Если да, то я расскажу всё, — Янь Хуайлин медленно подошёл к воину и склонил голову набок. — Во всех подробностях. Если господин готов слушать, я открою всё.

Он стоял так близко, что их лица разделяло меньше фута.

Цзан Е смотрел на него сверху вниз, не проронив ни слова.

— Но взамен, — в голосе Янь Хуайлина зазвучала ирония, — господин должен будет рассказать мне о своих связях со школой Лин. Каждую мелочь, господин Цзан. Я не хочу упустить ни одной детали.

Они стояли так близко, что чувствовали дыхание друг друга. Янь Хуайлин не отводил глаз.

Цзан Е выдержал эту дуэль взглядов, после чего резко отвернулся.

— Уходим, — ледяным тоном бросил он и, не сказав больше ни слова, сорвался с места, скрываясь в ночи.

Проводив его взглядом, Янь Хуайлин усмехнулся и тяжело выдохнул.

Похоже, путь к «доверию» обещал быть долгим и тернистым.

Вернувшись на постоялый двор, они обнаружили у своих дверей толпу.

Янь Хуайлин протиснулся сквозь любопытных и увидел, что их комнаты перевернуты вверх дном. Вещи были разбросаны — кто-то явно искал что-то конкретное.

— Похоже, мы раскрыты, — Янь Хуайлин вошёл в комнату к Цзан Е, мгновенно забыв о недавней размолвке. — Господин Цзан?

— Собирай вещи, мы уходим из города немедленно, — серьёзно ответил воин, не оборачиваясь.

Янь Хуайлин сопоставил нападение школы Цзюэ и погром в комнатах.

— Значит, та атака была лишь для того, чтобы выманить нас?

— Именно.

Янь Хуайлин догадался: люди школы Цзюэ знали о них, но не были уверены, удалось ли им добыть Трактат. Иначе они не стали бы устраивать обыск.

К тому же, нападение на Ян Бинхуая было лишним доказательством — за ними следили.

— Куда мы теперь? — спросил Янь Хуайлин. — Провинция Ваньлин — вотчина школы Лин. Если школа Цзюэ проделала такой путь, значит…

— Вести разошлись быстро, — отрезал Цзан Е.

— Каков ваш план?

— Помнишь, я упоминал старого друга? — Цзан Е закинул узел с вещами на плечо и направился к выходу.

Глаза Янь Хуайлина азартно блеснули:

— Мы идём к нему?

— Да.

Они покинули город под покровом ночи. Их шаги были беззвучны, а дыхание сливалось с шумом ветра.

Гора Маншань находилась в десяти милях к западу. Они двигались то бегом, то переходя на быстрый шаг, и к моменту, когда небо на востоке начало светлеть, достигли подножия.

Гора встретила их густыми зарослями бамбука и вековых деревьев. Шум рек и пение птиц наполняли воздух свежестью. Цзан Е стоял в тени раскидистых крон, вглядываясь в чащу с таким выражением лица, словно вспоминал нечто очень важное и далёкое.

Янь Хуайлин внимательно наблюдал за ним.

— Ваш друг живет здесь?

Словно пробудившись от глубоких раздумий, Цзан Е тяжело вздохнул и через силу выдавил:

— Да.

После чего начал подъём.

Бессонная ночь в пути давала о себе знать, и Янь Хуайлин начал сдавать. Но Цзан Е, казалось, не чувствовал усталости, уверенно шагая к вершине.

— Господин, — Янь Хуайлин выглядел измотанным, — не пора ли нам сделать привал?

Только тогда Цзан Е заметил состояние спутника. Он замедлил шаг, посмотрел на бледное лицо Янь Хуайлина и наконец остановился.

— Благодарю, — Янь Хуайлин потёр затекшие лодыжки и уселся на массивный корень старого дерева.

Красота окружающего леса — изумрудная зелень, чистейший воздух и прохлада — немного привела его в чувство.

Цзан Е присел на поваленное дерево неподалеку и достал флягу с водой. Сделав пару глотков, он заметил пристальный взгляд спутника и, не говоря ни слова, бросил флягу ему.

Янь Хуайлин ловко поймал её и с жадностью принялся пить.

Цзан Е сидел неподвижно. В своей невозмутимости он казался частью этого леса, органичным продолжением горного пейзажа.

Утолив жажду, Янь Хуайлин принялся разглядывать воина. Красота этого человека не ограничивалась правильными чертами лица — в нём чувствовалась особая аура существа, стоящего превыше мирской суеты.

Школа Цзюньту славилась своим величием. Их техники были масштабны, как небо и земля, не размениваясь на мелочи вроде «песчинок» или «росинок».

Короткие мечи «Парных драконов» у него на поясе и длинный меч «Парных фениксов» за спиной были визитной карточкой Цзюньту. Можно было предположить, что Цзан Е родом оттуда же, откуда и Янь Хуайлин.

Но его знание магии Лин путало все карты. В Цзюньту процветала школа Цзюэ, а Лин почти не имела влияния.

Сам Янь Хуайлин обучался техникам Гуйянь-шу по необходимости.

В двенадцать лет, когда его тело и дух были изломаны годами мучений, он встретил мастера Дун Хуана из школы Цзюэ. Тот, по воле случая, обучил мальчика «Гуйянь-шу» и «Лиэхо Чжосинь», оставив на нём клеймо на всю жизнь.

В восемнадцать лет эти знания помогли ему расправиться с врагами.

Погружённый в воспоминания, Янь Хуайлин не заметил, что уже долго смотрит на Цзан Е, и тот перехватил его взгляд.

— Что случилось?

Улыбнувшись, Янь Хуайлин покачал игриво головой и отвёл глаза.

В этот раз ему совсем не хотелось язвить. Он откинулся на ствол дерева и посмотрел вверх.

Сквозь густую листву пробивались первые лучи солнца. Он прикрыл глаза рукой.

В памяти всплыл обрывок прошлого.

…

«Матушка, матушка, смотри! Я поймал свет!»

«Глупенький мой Лин-эр, разве можно поймать свет? Не болтай чепухи».

«Смотри же!» — мальчик раскрыл ладонь, и солнечные блики заиграли на его коже.

«Не смотри прямо на солнце», — женщина, чьё лицо уже стёрлось из памяти, подошла к маленькому Хуайлину и закрыла ему глаза ладонью.

«Матушка, мне ничего не видно!»

«Береги глаза, сынок. Не пытайся победить солнце». Её голос, нежный и прохладный, точно ключевая вода, упал в самую глубину его сердца.

…

Чистота воды, ясность ветра, величие солнца — всё это было желанно для людей. Но тот, кто рождён в грязи, не смеет претендовать на божественную чистоту. Ему остаётся лишь прикрывать лицо руками и украдкой любоваться издали, вздыхая о недоступном.

Янь Хуайлин опустил руку и долго разглядывал солнечные пятна, играющие на его коже, слегка касаясь их кончиками пальцев.

Цзан Е некоторое время молча наблюдал за ним, а затем тоже посмотрел на игру света и тени на своём рукаве.

Не слыша привычной болтовни спутника, Цзан Е поймал себя на мысли, что эта тишина кажется ему удивительной.

Он непроизвольно снова взглянул на Янь Хуайлина и обнаружил, что тот смотрит на него странно мягким, почти добрым взглядом.

Цзан Е нахмурился и вопросительно приподнял брови.

Янь Хуайлин лишь покачал головой и отвел взор.

Горный ветер, казалось, выветрил из него всю напускную наглость. До самой вершины они шли в полном молчании.

Наконец перед ними, за поросшими мхом каменными ступенями, показалось уединённое поместье, больше похожее на буддийский храм.

Молодой человек в лазурных одеждах лениво подметал ступени.

Цзан Е подошёл к нему:

— Простите, это ли Циньлинь-юань?

Юноша остановился и с недоумением оглядел пришедших.

— Вам что-то угодно, господа?

— Ученик Цзан Е вернулся в обитель, дабы просить аудиенции у учителя.

Услышав это, юноша растерялся. Он ещё раз оглядел воина:

— Вы — ученик мастера У Миншэна? Могу я узнать ваше полное имя?

— Ученик Цзан Е обучался у учителя Чанлина. Десять лет я не был дома и сегодня прибыл по важному делу.

— А?! Старший наставник Цзан?! — юноша тут же бросил метлу и почтительно поклонился. — Ученик Янь Вэй приветствует старшего наставника!

Стоявший рядом Янь Хуайлин застыл в глубоком шоке.

Имя Е Чанлина гремело на всю Поднебесную.

На вершине пути Лин стояли двое: Е Чанлин и Фэн Шуцзюнь.

Услышав, что Цзан Е — ученик самого Е Чанлина, Янь Хуайлин понял: он всё ещё очень плохо знает своего спутника.

http://bllate.org/book/17493/1708701